

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-407-424

УДК 1:3; 001.8:3

СОЦИАЛЬНО-КАЧЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Самсонов Всеволод Владимирович,
*Институт философии и права СО РАН,
ул. Николаева 8, Новосибирск, 630090, Россия*

Зазулина Мария Рудольфовна,
*кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии и права СО РАН,
ул. Николаева 8, Новосибирск, 630090, Россия
ORCID: 0000-0001-8984-1129
zamashka@yandex.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются современные подходы к изучению социальной динамики современных обществ, их объединение в системы и методологические модели, нашедшие концептуальное выражение в теориях «качества жизни» и «социального качества». Постепенное слияние этих двух теорий является тенденцией, отражающей современные представления о специфике процессов развития постиндустриальных обществ и представления о «прогрессивном» типе социального взаимодействия индивидов и социальных групп, складывающемся на основании новых теоретико-методологических моделей. Показано, каким образом в рамках этих теорий предпринимается попытка связать «традиционные» экономико-статистические данные и индикаторы, отражающие интегративные связи внутри обществ (такие как социальная сплоченность и социальная включенность). Дана характеристика основных сфер исследования, выделяемых в рамках теории социального качества, таких как экономическая безопасность, социальная сплоченность, социальная включенность, полномочия и возможности. Несмотря на то что каждая из этих сфер включает свои группы индикаторов, они являются взаимозависимыми, пересекающимися и должны исследоваться в комплексе. Таким образом, в рамках современных методологий общество предстает как результат интеграции и взаимодействия принципиально разноуровневых систем: социальной (уровень индивидов и межличностных взаимоотношений) и системной (уровень институтов). Сделан вывод, что сочетание принципиально различных групп показате-

лей позволяет концептуализировать и выявить взаимосвязь социальных и экономических процессов на коллективном и индивидуальном уровнях.

Описаны сферы применения социально-качественного подхода и предоставляемого им набора индикаторов социального развития в европейской и российской политике. Попытка оценки эффективности данных теоретико-методологических подходов осуществляется в контексте анализа такой обострившейся в последние годы проблемы российского общества, как возросший уровень эмиграционного оттока из страны специалистов, наиболее образованных и востребованных в инновационных сферах, а также сопутствующий рост эмиграционных настроений среди молодежи.

Ключевые слова: индикаторы, показатели социального развития, социальная динамика, качество жизни, методология, модернизация, социальное качество.

Библиографическое описание для цитирования:

Самсонов В.В., Зазулина М.Р. Социально-качественная модель в изучении динамики развития современных обществ: возможности и границы применения // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. – С. 407–424. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-407-424.

В начале XXI в. общепризнанной задачей исследования в социальных науках становится измерение благосостояния общества как показателя социального прогресса, выходящего за рамки экономических показателей. С одной стороны, развивается целый ряд теоретико-методологических концепций, ориентированных на сравнительное изучение социальной динамики в различных обществах. В рамках этих концепций разрабатывается широкий набор разнопорядковых индикаторов от традиционных объективных статистических показателей (имеющих отношение в первую очередь к развитию экономической сферы) до субъективно-социологических переменных (включающих оценки людьми качества своей жизни, условий повседневного существования, прав и возможностей в публично-политической сфере). С другой стороны, традиционные показатели развития, такие как, например, валовый внутренний продукт, данные о промышленном и сельскохозяйственном производстве, инвестициях в капитал и другие, всё чаще признаются недостаточными критериями для анализа качества развития территорий и отдельных сообществ. В основе методологии новых подходов, предлагаемых социальными науками, лежит объединение концепций качества жизни и социального качества. Эта тенденция отражает современные представления о специфике процессов развития постиндустриальных обществ и представления о «прогрессивном» типе социального взаимодействия индивидов и социальных групп, складывающемся на основании новых теоретико-методологических моделей.

В нашей работе мы рассмотрим этапы формирования современных подходов к изучению динамики развития современных обществ, их объединение в системы и методологические модели, нашедшие концептуальное отражение в понятии «социальное качество жизни». Попытка оценки эффективности этих методологически концептуальных подходов будет осуществлена в применении к контексту одной из важнейших социальных проблем России, возникших в последние годы и проявляющихся в резко возросшем уровне оттока из страны наиболее образованных и востребованных в инновационных сферах специалистов, а также в возросшей распространенности эмиграционных настроений среди молодежи. (Важно подчеркнуть, что в качестве причин отъезда эмигранты отмечают недостатки развития именно в тех сферах, которые выделяются исследованиями социального качества жизни как ключевые для успешного и эффективного развития современного общества).

1. Социальные показатели и качество жизни: современные подходы к изучению динамики социального развития

Ставшее общепринятым в настоящее время понимание «качества жизни» как специфического набора индикаторов социальной динамики (совмещающего в себе как статистические, экономические данные, так и показатели социально-интегративных процессов, отражающие переход к постиндустриальной и посткапиталистической фазе развития западных обществ) возникло в середине 1960-х гг. Считается, что впервые в отчетливой форме данная методология была сформулирована в результате реализации проекта под управлением агентства НАСА по выявлению влияния космической программы на американское общество и его побочных эффектов. Директором этого проекта Р. Бауэром был сделан вывод о почти полном отсутствии соответствующей методологии, а результатом стала разработка системы «социальных показателей», включающая в себя «данные, набор статистических рядов и другие доказательства, позволяющие определить, где находится общество и куда оно движется в отношении ценностей и целей» [6, р. 18]. Аналогичные исследования вскоре начали осуществляться под эгидой ООН, под руководством других национальных и международных институтов. Быстрое распространение нового концептуально-методологического подхода было связано с особым политическим климатом тех лет, которые воспринимаются сегодня как период процветания. Но именно экономические успехи достаточно быстро привели развитые западные общества к сомнениям относительно экономического роста и материального процветания как основных целей социального прогресса [11]. В определенной степени такие изменения в направлении «постматериализма»

действительно отражали тенденцию к преумножению сторонниками новых подходов значения и пользы материального благосостояния, представляемого как характеристика нового, постиндустриального общества. Концепция «качества жизни» возникла как воплощение альтернативной, многомерной и гораздо более сложной цели развития обществ, оказавшихся перед пределами дальнейшего роста и обеспокоенных экологическими условиями существования. Индикаторы, входящие в набор методологических компонентов, отражали специфические аспекты анализа комплексных процессов модернизации, представляя собой «сбалансированные статистически-нормативные наблюдения, позволяющие вынести краткие, всеобъемлющие и взвешенные суждения» о состоянии важнейших сфер и элементов общества, его движение в «правильном направлении», в то время как «другие вещи не меняются или меняются незначительно» [15, p. 165].

Стоит отметить, что еще одной характеристикой специфического политического климата указанного периода была оптимистическая идея о том, что общественные структуры и процессы могут быть полностью смоделированы на основе теоретических инноваций. Такие концепции, как «активное общество» и активистская социальная политика, обещали переход к новому типу политики, основанному на знаниях и рациональном осмыслении социальной жизни. Политическая модель, направленная на достижение таких целей, должна была основываться на информации, позволяющей лицам, принимающим решения, своевременно распознавать проблемы, устанавливать приоритеты, а также изучать, анализировать и оценивать воздействие, эффективность и успех принимаемых программ и мер. В современной практике результаты исследований социальных показателей и мониторинга социальных процессов используются менее амбициозно, как источник информации для общего просвещения и материал при постановке политических целей и выборе политических приоритетов.

В рамках социально-качественного подхода основное внимание уделяется разработке стандартов для мониторинга прогресса в модернизации общества и решения связанных с этим проблем, в том числе выделения различных компонентов, наборов индикаторов, избираемых для эмпирического измерения. В частности, различие между так называемыми «объективными» и «субъективными» социальными показателями тесно связано с соответствующей концептуальной системой отсчета. В то время как объективные социальные индикаторы представляют собой статистические данные, представляющие социальные факты, независимые от личных оценок, субъективные социальные ин-

дикаторы отражают индивидуальное восприятие и оценку социальных условий.

Выбор объективных показателей отталкивается от предположения, согласно которому условия жизни в качестве благоприятных или неблагоприятных можно оценивать путем сравнения реальных условий с нормативными критериями. Важным предварительным условием для этого является наличие общественного консенсуса по таким показателям: 1) индикаторы, имеющие значимость для анализа благосостояния; 2) ранжирование условий; 3) выбор направления, в котором должно двигаться общество. Ранжирование индикаторов всегда может быть подвергнуто критике. Так, сокращение безработицы и преступности или рост доходов населения, как и уровня образования, всегда воспринимаются как улучшение и прогресс. Гораздо меньше мы можем быть уверены в оценках такого показателя, как возраст выхода на пенсию. Изменение неравенства в доходах также не всегда воспринимается как показатель социального прогресса, учитывая возможность противоречий между справедливостью и эффективностью или справедливостью и экономическим ростом [13, р. 25].

Подход, ориентированный в первую очередь на субъективное благополучие людей как конечный результат процессов социального развития, разрабатывался преимущественно американскими исследователями. Согласно традиции утилитарной философии «исследования психического здоровья», «если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» [9, р. 442]. Субъективное благополучие отдельного гражданина считается конечной целью развития общества и критерием, который следует использовать для измерения качества жизни; сам «простой человек» считается лучшим экспертом для оценки качества своей жизни. Использование субъективных социальных показателей, в отличие от объективных, основано на предпосылке, что понимание направленности изменений благосостояния в конечном итоге должно и может оцениваться отдельными гражданами, благополучие которых отражается в оценках удовлетворенностью условиями жизни. Эта позиция тоже не бесспорна и вызвала глубокую полемику о принципах субъективно трактуемого благосостояния. Проблема в данном случае заключается в том, что избираемые исследователями показатели (такие, например, как счастье или дискомфорт) отражают только индивидуальные состояния, а это не всегда полезно для измерения качества общества как целостности. По словам Р. Эриксона, одного из наиболее выдающихся сторонников скандинавских исследований в области социального обеспечения, «мнения и предпочтения индивидуумов должны включаться в демо-

кратический политический процесс в результате их деятельности в качестве граждан, а не в результате опросов... критике может быть подвержена адаптированность к своим нынешним условиям людей, измеряющих положительно или отрицательно качество своей жизни». Одна из их проблем, связанных с подходом, основанным на субъективно-индивидуальной оценке удовлетворенности, заключается в том, что он «зависим от уровня развития персональных стремлений» [10, р. 77–78].

По мнению критиков, вопросы относительно надежности использования субъективных индикаторов также могут быть дополнены вопросами, касающимися достоверности такого рода информации. В то же время отметим: нет особых оснований полагать, что субъективные показатели менее достоверны и надежны, чем другие данные исследований, на которые всегда влияют ошибки измерения:

Очевидно, что сегодня существует консенсус мнений, который не оставляет места полному отрицанию одного из двух подходов, а стремится основывать измерения благосостояния как на объективных, так и на субъективных показателях. При этом учитывается тот факт, что «схожие условия жизни часто оцениваются совершенно по-разному; люди, находящиеся в плохих условиях, часто бывают ими удовлетворены, а привилегированные персоны могут быть очень недовольны жизнью» [15, р. 166]. В попытках широкого комплексного понимания для каждой категории главных потребностей человека подбираются как объективные, так и субъективные измерения (индикаторы), а их объединение (ковариация) особенно интересно, поскольку позволяет выявить, что субъективная оценка благосостояния частично определяется внешними условиями, хотя «позитивные условия жизни, как правило, идут вместе с положительным субъективным благосостоянием» [15, р. 168].

С момента появления данные методологические инструменты пережили как циклы роста, так и периоды снижения популярности и внимания к ним. Однако в наши дни они входят в общепризнанный набор методик эмпирических исследований почти во всех частях земного шара. Данная методология, используемая национальными институтами и международными организациями, включает в себя сводные индексы, объединяющие множество показателей благосостояния в одну или несколько составных систем, субъективные и объективные индикаторы развития обществ, эмпирически обоснованные знания об условиях жизни и благосостоянии всего населения и конкретных подгрупп общества, необходимые для постоянной саморефлексии и сравнительного анализа.

2. Социальное качество: основные сферы изучения динамики современного социального развития

Хотя главные аспекты социально-качественного подхода начали формироваться в эмпирических исследованиях 1960-х гг., наиболее широко его распространение происходит в последние десятилетия. Это объясняется тем, что именно в наши дни теоретические и практические установки, сформированные в его рамках, наконец-то начали в наибольшей степени отражать специфику происходящих процессов «поздней модернизации», меняющих прежние формы «социального порядка». Необходимо подчеркнуть, что концепция «социального качества», по сути дела, является результатом последовательного развития методологии анализа «качества жизни».

В одной из своих ранних работ мы уже рассматривали теоретические основания концепции социального качества [3], однако в рамках настоящей статьи представляется необходимым воспроизвести ее основные положения.

Исследователи определяют социальное качество как «степень, в которой люди в состоянии участвовать в общественных отношениях при условии увеличения их благосостояния, возможностей и индивидуального потенциала» [8, р. 25]. Качество общества коррелирует с социальной активностью: чем выше качество общества, тем больше у людей возможностей для планирования целей и реализации желаний. В основе теории социального качества лежит утверждение о том, что человек есть существо социальное, его деятельность направлена на удовлетворение своих социальных потребностей. Именно в этом контексте следует трактовать наделение людей правами и полномочиями. Социальное пространство возникает в результате взаимодействия человека с системой, с экономическими и социальными структурами. Это взаимодействие всегда имеет противоречивый, диалектический характер, но именно так порождаются социальные изменения [8, р. 25].

Таким образом, современное общество является результатом интеграции и взаимодействия принципиально разнуровневых систем: социальной (уровень индивидов и межличностных взаимоотношений) и системной (уровень институтов) [12].

В рамках модели социального качества выделяют четыре направления исследований и соответственно четыре сферы, относительно которых социальное качество может рассматриваться: экономическая безопасность, социальная сплоченность, социальная включенность, полномочия и возможности.

Социально-экономическая безопасность трактуется как степень, в которой у человека имеются достаточные ресурсы, необходимые для повседневной жизни, как условия для процесса самореализации [3, с. 163]. Выделяют два уровня социально-экономической безопасности: 1) уровень базовой

безопасности (он зависит от таких факторов, как доход, возможность социальной защиты, забота о здоровье, качество пищевых продуктов, условия труда, безопасность и правосудие и пр.); 2) уровень жизненных возможностей (здесь исследуется количество альтернативных вариантов, непосредственно доступных человеку для выбора условий его существования [7, р. 341]). При отборе переменных, входящих в первую группу, учитываются субъективные и объективные представления об экономической безопасности, показатели бедности; оцениваются доходы домохозяйств, факторы депривации (в том числе касающиеся способности людей приобретать товары и услуги первой необходимости) и т. д.

Подчеркнем, что с практической точки зрения подход, основанный на изучении «материальных» причин социальной эксклюзии, является самым простым в использовании. Во-первых, он позволяет оперировать традиционными индикаторами социально-экономического развития и социального самочувствия. Во-вторых, именно условия социально-экономической безопасности выступают первичными факторами неудовлетворительного развития сообществ, наций и индивидуумов [3, с. 164]. Приоритетное использование этого набора индикаторов для анализа ситуации в российском обществе является оправданным. В своих ранних работах мы уже отмечали, что депрессивное развитие российской провинции вызвано последствиями «трансформационного шока», которые выражаются одновременно в низких показателях социально-экономической безопасности и признаках социально-политической эксклюзии населения (проявляющейся в первую очередь в гражданской пассивности, равнодушии к вопросам гражданской, социальной субъектности) [2].

Социальная сплоченность может трактоваться как степень, в которой члены сообщества имеют консенсус по поводу основных идей и институтов. Мы уже отмечали, что социальное неравенство не всегда является абсолютным препятствием к социальной сплоченности и участию граждан в жизни общества (история знает немало количество примеров объединения жестко стратифицированных обществ в противостоянии, например, внешней агрессии), в то время как свободно структурированное, гетерогенное или плюралистическое общество, характеризующееся относительным равенством и низким порогом исключения, может быть разобщенным, т. е. характеризоваться более низким уровнем социального сплочения [3, с. 166].

Индикаторы социальной сплоченности ориентированы на связи в обществе и изменение проявлений в нем показателей доверия. При высоком уровне социальной сплоченности граждане действуют как реальные социальные существа, вовлеченные в социально-партиципативное действие (активное участие в жизни общества). Взаимодействие такого типа обеспечи-

вает социальную стабильность, сохранность и развитие социального порядка, поддерживаемого верховенством права. Для анализа уровня социального сплочения используются индикаторы, показывающие, насколько общество в целом связано внутренне: общее доверие в обществе, доверие к правительству (в том числе оценка государственной пенсионной системы и системы социального обеспечения), показатели восприятия социальных конфликтов, позволяющие понять, насколько разделено или объединено общество (шкала конфликтов рассчитывается на основе анализа ответов на вопросы о том, существует ли напряженность между бедными и богатыми, между различными расовыми и этническими группами и полами между собой, а также между управляющей прослойкой и простыми работниками).

Третья сфера, характеризующаяся как социальная инклюзия (включенность в социальные отношения), – это степень, в которой люди интегрированы в институты и социальные группы, уровень их погруженности в реалии, определяющие самореализацию человека. Сюда относится участие в различных связях: от связей, включающих в себя самые простые («сильные»), близкие отношения с родственниками и друзьями до членства в более «слабых» и одновременно более сложных сетях. При анализе уровня интегрированности респондентов в сообщество и их включенности в социальные отношения изучается частота контактов с друзьями, родственниками, другими людьми. Показатели включенности в такие формы общения, а также возможность обратиться к кому-либо за поддержкой трактуются как индикатор связи индивида со своим окружением. Точно так же включенность в семейные связи показывает уровень интеграции в социальные сети (основной тип сообщества). Участие в избирательном процессе (голосование на выборах) и членство в политической партии или профсоюзе дают представление о том, как человек может взаимодействовать с обществом с помощью формальных механизмов (включенность в формальный социальный капитал).

Четвертая сфера социально-качественного подхода сосредоточена на исследовании условий для расширения индивидуальных и коллективных прав и полномочий, наделения людей такими возможностями, которые позволяют им осуществлять активную деятельность, необходимую для того, чтобы индивиды могли воздействовать на окружающую среду. В таком ключе используется следующий набор показателей: образованность (доступ к «культурному капиталу»), доступность качественных медицинских услуг, самооценка состояния здоровья, в том числе психологического состояния, экологическая обстановка, субъективное восприятие условий и перспектив жизни и т. д.

Все выделенные компоненты не являются независимыми, а дополняют друг друга и должны исследоваться в комплексе. Вместе они могут быть

представлены в виде квадрантов, являющихся продуктом системно-социальных интегративных процессов в том неомарксистском понимании, которое в полной мере отражено в концепции Д. Локвуда [12]. В идеале исследование должно включать группы индикаторов из всех отмеченных областей. При этом в различных ситуациях допустимо использовать тот или иной набор индикаторов в качестве ключевого, определяющего состояние других областей. Выбор в данном случае должен определяться исследовательской перспективой.

Показатели, входящие в общепринятый набор индикаторов социального развития, всё чаще используются в качестве инструментов для выработки политики. Эта тенденция наиболее очевидна на уровне европейских институтов. В частности, в Лиссабонском Договоре о реформе ЕС, созданном «с целью улучшения функционирования Европейского союза в составе 27 стран-членов и укрепления его роли и позиций на мировой арене в условиях резких глобальных изменений», принята стратегическая цель, согласно которой Европа должна стать «самой конкурентоспособной и динамичной экономикой, основанной на знаниях, в мире, способном к устойчивому экономическому росту, сопровождающемуся увеличением числа улучшенных рабочих мест и большей социальной сплоченностью». Предполагается, что индикаторы, которые должны быть разработаны и согласованы на политическом уровне, будут использоваться для мониторинга прогресса в достижении ключевых целей европейского сообщества, включая занятость, устойчивость, социальную сплоченность и интеграцию внутри общества. «Цель такова... сочетать динамичную экономику с социальной интеграцией и защитой... В достижении этой цели ключевую роль должны играть социальные показатели, имеющие важное значение для того, чтобы отслеживать прогресс в деле обеспечения социальной интеграции» [14]. Разработанные показатели социально-качественной модели рассматриваются в качестве методологических и практических оснований для изучения современных процессов социальной интеграции, разрабатываются рекомендации по выбору и использованию индикаторов на разных уровнях, оцениваются их сильные и слабые стороны, возможности и ограничения. Отмечается, что необходимо рассмотреть эти вопросы более тщательно и установить регулярные связи и диалог между властными институтами, определяющими политику, и академическими институтами, осуществляющими исследования качества жизни.

3. Сферы применения социально-качественного подхода в контексте проблематики эмиграционного оттока из России

В последнее время к проблемам кризиса в демографической сфере России и нехватки, дефицита кадров в областях, связанных с развитием

инновационных технологий, добавилась проблема роста эмиграции населения из страны. Ситуация обостряется преобладанием среди людей, покидающих страну, наиболее квалифицированных, образованных специалистов, а также увеличением доли молодежи, ориентирующейся на перспективы эмиграции.

По оценкам исследователей, опирающихся как на данные Росстата с 1997 г., так и на доклады аналитических агентств, темпы эмиграции с начала 2000-х гг. из России ежегодно снижались. Однако с 2012 г. показатель резко пошел вверх. В целом из России уехало от 1,6 до 2 млн россиян из 145 млн (по состоянию на 2000 г.). Причем в последние годы ежегодная эмиграция стала превышать самые высокие показатели прежних лет. Только с 2014 по 2016 г. из России уехало почти 977 тыс. человек [1]. В 2016 г. число людей, эмигрировавших в страны дальнего зарубежья, выросло в 4 раза по сравнению с 2011 г.

При этом образовательный и социальный статус эмигрантов повысился. Если в 2000–2011 гг. из страны в основном уезжали предприниматели, средний класс, «импортированные» родители и дети эмигрантов 1990-х гг., то с 2012 г. в потоке эмигрантов стали преобладать люди, занятые в IT-индустрии, сотрудники НКО, творческие работники, политические активисты. У 45 % уезжающих есть дипломы бакалавра или специалиста, у 36 % – магистерская или кандидатская степень, и только у 19 % нет высшего образования. У многих из эмигрантов «новой волны» несколько образований, поэтому общая сумма процентов в этом перечне больше 100.

Нынешние эмигранты отличаются своими настроениями, которые основаны в большей степени «на сложном комплексе культурных и предпринимательских мотиваций, нежели на мотивациях экономических или чисто политических». Они моложе, образованнее, лучше владеют иностранными языками, лучше понимают устройство глобального мира, более свободны и разнообразны в культурном и профессиональном плане; 72 % эмигрировавших были полностью трудоустроены до отъезда, а свои политические взгляды почти половина мигрантов (45 %) характеризуют как либеральные или крайне либеральные [5].

Наибольшее беспокойство вызывает рост миграционных настроений среди молодежи: 53 % россиян в возрасте от 18 до 24 лет хотят переехать за границу на постоянное место жительства – это максимальный показатель за последние годы.

В числе причин, которые побуждают образованных и молодых россиян задуматься о переезде, – желание обеспечить детям достойное будущее за границей (45 %), экономическая обстановка в России (40 %), высокое качество медицины за рубежом (35 %) и политическая обстановка в стране (33 %) (таблица). Если проанализировать и ранжировать основные при-

чины, по которым происходит рост миграционных настроений у молодежи, то можно выделить следующие: 1) молодежь видит за границей больше возможностей для своей карьеры; 2) инфраструктура жизни за рубежом оценивается гораздо выше – неслучайно медицина на третьем месте среди причин для отъезда (помимо медицинских услуг и их качества, такие представления относятся и к сравнительным уровням образования, экологии, социальных стандартов, транспорта – всё это влияет на качество жизни и возможности человека); 3) политическая обстановка, неудовлетворенность в оценке своих возможностей (полномочий), изменения направления развития общества в соответствии со своими предпочтениями (большинство потенциальных отъезжающих считают, что дела в стране идут в неправильном направлении (56 % против 36 %), но при этом среди них гораздо больше доля людей, готовых участвовать в политической жизни страны (среди потенциальных эмигрантов об этом говорят 39 %, а в среднем – 23 %)).

Что прежде всего заставляет Вас задуматься об отъезде из страны? (%)

Желание обеспечить детям достойное будущее за рубежом	45
Экономическая обстановка в России	40
Высокое качество медицинских услуг за рубежом	35
Политическая обстановка в России	33
Больше возможностей для карьерного роста за рубежом	28
Высокое качество образовательных услуг за рубежом	26
Интерес к другой культуре	18
Больше возможностей для ведения бизнеса за рубежом	16
Большая правовая и социальная защищенность за рубежом	12

Источник: Гончаров С., Волков Д. Эмиграционные настроения [Электронный ресурс] // Левада-Центр, пресс-выпуски, 26 ноября 2019 г. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4> (дата обращения: 09.09.2020).

Представители российского руководства, например Г. Греф [1], анализирующие сущность проблемы «утечки мозгов», вполне обоснованно отмечают, что рост эмиграции зависит в первую очередь от таких фак-

торов, как индикаторы благоденствия, инфраструктура общества, климат или система управления. Именно на изучение этих показателей ориентирована методология социально-качественного подхода для оценки соответствия государственной политики ожиданиям людей и ее влияния на инновационное развитие общества. А мотив «обеспечить детям достойное будущее за рубежом» характеризует признание политики государственного регулирования в современной России как неудовлетворительной при оценке своих жизненных перспектив. «Молодые люди не воспринимают предлагаемую государством модель развития страны – и при этом их жизнь не так устоялась, как у более старшего поколения» [4]. Субъективные оценки эмигрантами условий жизни и ее перспектив главным образом касаются именно сфер, выделяемых социально-качественной моделью как главных для развития современного общества, – это переменные, относящиеся и к социально-экономической безопасности, и к показателям, отражающим оценку уровня социальной интеграции, и к представлениям о сохранности и расширении индивидуальных прав и полномочий (что выражается, помимо критики политической обстановки в стране, в отрицательной характеристике развития сфер и образования, и здравоохранения).

Можно отметить, что люди, ориентированные на отъезд из России, ощущают потребность не только в улучшении экономических условий, но и в частичном изменении модели развития общества. И такая обновленная модель должна открывать возможности для полноценной интеграции граждан в социальную систему и их участия в процессах разработки новых повесток развития общества. При ее формировании как раз и представляется оправданным использование методологических концепций, разработанных современной наукой для изучения социальной динамики и изменений качества жизни. Без этого можно сколько угодно разрабатывать планы инноваций или модернизаций, но очевидно, что если социально-государственная политика игнорирует представления людей о том, как должно функционировать современное общество, то никакого прорыва не произойдет, а среди молодежи и дальше будут преобладать негативные настроения, а также ориентация на отъезд за границу в качестве первого по значимости шага при выборе жизненной стратегии.

Как было сказано выше, если отказаться от первоначального амбициозного восприятия социально-качественной модели как прямого теоретического основания современной политики, можно предположить, что рассмотренные в данной работе теоретические и методологические инновации могут приносить результаты не только в тех сферах, в которых они уже широко используются (статистический, социологический анализ и сравнительное изучение модернизационных процессов), но также для оценки макросоциальных стратегий основных социальных групп обще-

ства и определения успешности развития стран, территорий, сообществ различного уровня. Теория социального качества сегодня представляет собой максимально разработанный, в достаточной степени концептуализированный и операционализированный научный продукт, который может использоваться при выработке стратегии социальной, экономической и экологической политики, необходимой для конструирования успешного общества и решения проблем, препятствующих устойчивому развитию.

Литература

1. *Астахов С.* Греф откровенно объяснил чиновнику правительства, почему из России уезжают специалисты // Московский комсомолец. – 2018. – 21 января. – URL: <https://www.mk.ru/economics/2018/01/21/gref-otkrovenno-obyasnil-chinovniku-pravitelstva-pochemu-iz-rossii-uezzhayut-specialisty.html> (дата обращения: 09.09.2020).
2. *Зазулина М.Р., Самсонов В.В.* Стратегии самоорганизации российского сельского социума: история и современность. – Новосибирск: Манускрипт, 2013. – 352 с.
3. *Самсонов В.В.* Социальное качество развития территорий: проблемы измерения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 1 (13). – С. 162–168.
4. *Стогней А.* Число желающих уехать из России молодых людей достигло максимума за последние 10 лет. – URL: <https://thebell.io/chislo-zhelayushhih-uehat-iz-rossii-molodyh-lyudej-dostiglo-maksimuma-za-poslednie-10-let> (дата обращения: 09.09.2020).
5. *Фаизова А.* Хорошее образование, политические мотивы: эксперты оценили эмиграцию из России с 2012 года. – URL: <https://thebell.io/horoshee-obrazovanie-politicheskie-motivy-eksperty-otsenili-emigratsiyu-iz-rossii-s-2012-goda> (дата обращения: 09.09.2020).
6. *Bauer R.A.* Social Indicators. – Cambridge; London: The MIT Press, 1966. – 380 p.
7. *Beck W., Maesen L. van der.* Social Quality: a Vision for Europe. – The Hague: Kluwer Law International, 2001. – 393 p.
8. *Beck W., Maesen L. van der, Walker A.* Theoretical Foundations for forthcoming third book on social quality // European Foundation for Social Quality. – The Hague, 2007. – Ch. 3. – 248 p.
9. *Campbell A.* Aspiration, Satisfaction and Fulfillment // The Human Meaning of Social Change. – New York: Russell Sage Foundation, 1972. – P. 441–446.
10. *Erikson R.* Descriptions of Inequality: The Swedish Approach to Welfare Research // The Quality of Life. – Oxford, Clarendon Press, 1993. – P. 67–87.
11. *Glatzer W.* The Use of Subjective Indicators for Social Reporting – The Subjective State of the Nation / Nordisk Statistisk Sekretariat. – Kobenhavn, 1991. – P. 206–233.

12. *Lockwood D.* Solidarity and Schism: 'The Problem of Disorder' in Durkheimian and Marxist Sociologies. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 456 p.
13. *McMurrer D.P., Isabel V.S.* Getting Ahead. Economic and Social Mobility in America. – Washington, DC: The Urban Institute Press, 1998. – 100 p.
14. *Vandenbroucke F.* Indicators for Social Inclusion: Where We Are Now and What We Want to Achieve // Discussion paper for the informal council 'Employment and Social Policy of 6/7 July 2001'. – URL: <http://www.vandenbroucke.fgov.be> (accessed: 10.09.2020).
15. *Zapf W.* Wohlfahrtsentwicklung und Modernisierung // Einstellungen und Lebensbedingungen in Europa. Soziale Indikatoren XVII. – Frankfurt; New York: Campus, 1993. – P. 163–176.

Статья поступила в редакцию 17.01.2020.

Статья прошла рецензирование 16.05.2020.

SOCIAL QUALITY MODEL IN THE STUDY OF DYNAMICS OF MODERN SOCIETIES DEVELOPMENT: OPPORTUNITIES AND BOUNDARIES OF APPLICATION

Samsonov Vsevolod,

*Institute of Philosophy and Law SB RAS,
8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

Zazulina Mariia,

*Cand. of Sc. (Philosophy),
Senior researcher,
Institute of Philosophy and Law SB RAS,
8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8984-1129
zamashka@yandex.ru*

Abstract

This paper considers modern approaches to the study of social dynamics of modern societies, which have found conceptual expression in the theories of 'quality of life' and 'social quality'. The gradual merging of these two theories is a trend that reflects both modern ideas about the specifics of the development processes in post-industrial societies and the idea of a 'progressive' type of social interaction between individuals and social groups, which is formed on the basis of new theoretical and methodological models. The authors show how these theories attempt to link 'traditional' economic statistics data and indicators that reflect integrative relationships within communities (such as social cohesion and social inclusion). The paper identifies the main research areas in the framework of the theory of social quality: economic security, social cohesion, social inclusion, powers and opportunities. Despite the fact that each of these areas includes its own group of indicators, they are interdependent, interrelated and should be examined in complex. Thus, within the framework of modern methodologies, society appears as the result of integration and interaction of fundamentally different-level systems, social (the level of individuals and interpersonal relationships) and systemic (the level of institutions). It is concluded that the combination of fundamentally different groups of indicators allows us to conceptualize and identify the relationship between social and economic processes at the collective and individual levels. The authors describe the scope of application of the socio-qualitative approach and its set of social development indicators in European and Russian politics. An attempt to assess the effectiveness of these theoretical and methodological approaches is carried out in the context of the analysis of such a social problem in the Russian society as the increased level of emigration outflow from the country in recent years.

Keywords: parameters, indicators of social development, social dynamics, quality of life, modernisation, social quality.

Bibliographic description for citation:

Samsonov V., Zazulina M. Social Quality Model in the Study of Dynamics of Modern Societies Development: Opportunities and Boundaries of Application. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 3, pt. 2, pp. 407–424. DOI: . 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-407-424

References

1. Astakhov S. Gref otkrovenno ob"yasnil chinovniku pravitel'stva, pochemu iz Rossii uezzhayut spetsialisty [Gref overtly explained to a government official why specialists are leaving Russia]. *Moskovskii komsomolets*, 2018, 21 January. (In Russian). Available at: <https://www.mk.ru/economics/2018/01/21/gref-otkrovenno-obyasnil-chinovniku-pravitelstva-pochemu-iz-rossii-uezzhayut-specialisty.html> (accessed: 09.09.2020).
2. Zazulina M.R., Samsonov V.V. *Strategii samoorganizatsii rossiiskogo sel'skogo sotsiuma: istoriya i sovremennost'* [Self-organization strategies of Russian rural society: history and modernity]. Novosibirsk, Manuskript Publ., 2013. 352 p.
3. Samsonov V.V. Sotsial'noe kachestvo razvitiya territorii: problemy izmereniya [Social quality of territories development: measurement problems]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, 2013, no. 1 (13), pp. 162–168.
4. Stognei A. *Chislo zhelayushchikh uekhat' iz Rossii molodykh lyudei dostiglo maksimuma za poslednie 10 let* [The number of young people who want to leave Russia has reached a maximum over the past 10 years]. Available at: <https://thebell.io/chislo-zhelayushchih-uehat-iz-rossii-molodyh-lyudej-dostiglo-maksimuma-za-poslednie-10-let> (accessed 09.09.2020).
5. Faizova L. *Khoroshee obrazovanie, politicheskie motivy: eksperty otsenili emigratsiyu iz Rossii s 2012 goda* [Good education, political motives: experts have estimated emigration from Russia since 2012]. Available at: <https://thebell.io/horoshee-obrazovanie-politicheskie-motivy-eksperty-otsenili-emigratsiyu-iz-rossii-s-2012-goda> (accessed 09.09.2020).
6. Bauer R.A. *Social Indicators*. Cambridge, London, The MIT Press, 1966. 380 p.
7. Beck W., Maesen L. van der. *Social Quality: a Vision for Europe*. The Hague, Kluwer Law International, 2001. 393 p.
8. Beck W., Maesen L. van der, Walker A. Theoretical Foundations for forthcoming third book on social quality. *European Foundation for Social Quality*. The Hague, 2007, ch. 3. 248 p.
9. Campbell A. Aspiration, Satisfaction and Fulfillment. *The Human Meaning of Social Change*. New York, Russell Sage Foundation, 1972, pp. 441–446.
10. Erikson R. Descriptions of Inequality: The Swedish Approach to Welfare Research. *The Quality of Life*. Oxford, Clarendon Press, 1993, pp. 67–87.
11. Glatzer W. *The Use of Subjective Indicators for Social Reporting – The Subjective State of the Nation*. Nordisk statistisk sekretariat. Kobenhavn, 1991, pp. 206–233.

12. Lockwood D. *Solidarity and Schism: 'The Problem of Disorder' in Durkheimian and Marxist Sociologies*. Oxford, Oxford University Press, 1992. 456 p.
13. McMurrer D.P., Isabel V.S. *Getting Ahead. Economic and Social Mobility in America*. Washington, DC, The Urban Institute Press, 1998. 100 p.
14. Vandenbroucke F. Indicators for Social Inclusion: Where We Are Now and What We Want to Achieve. *Discussion paper for the informal council 'Employment and Social Policy of 6/7 July 2001'*. Available at: <http://www.vandenbroucke.fgov.be> (accessed: 10.09.2020).
15. Zapf W. *Wohlfahrtsentwicklung und Modernisierung. Einstellungen und Lebensbedingungen in Europa. Soziale Indikatoren XVII*. Frankfurt, New York, Campus, 1993, pp. 163–176.

The article was received on 17.01.2020.

The article was reviewed on 16.05.2020.